

Дискурсивность как источник появления новых смыслов в художественном тексте

Мальшева К.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Советское поколение вступило в XXI век и встречается с совершенно новой действительностью, на фоне которой пережитое прошлое начинает припоминаться все более ярко и контрастно. И это же прошлое оказывается сейчас предметом разгоревшейся идейной борьбы в поиске новых ценностей и ориентиров в неустойчивом и разнонаправленном постсоветском, а также нарождающемся глобалистическом обществе, испытывающем на себе огромное влияние публичной и бытовой полемики, давно уже ставшей существенной частью нынешнего, в том числе отечественного, общественного сознания. Информационная, территориальная и культурная открытость, свобода исторических представлений в наше время порождают большие ожидания, высокую восприимчивость к любым картинам мира из прошлого.

Цель статьи – раскрыть обращение текста произведений Л. Улицкой к вопросам идейного, социального и культурного противостояния советской партийной власти и советской интеллигенции.

Материал и методы. Материалом исследования является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер». В качестве основных использовались метод филологического анализа художественного текста, дискурсивный анализ и описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Дискурсивное изучение романа Л. Улицкой «Зеленый шатер» открывает важные, часто не лежащие на поверхности реалии советской жизни 1950–1970-х годов. Показано, что в произведениях Л. Улицкой переданы острые неинституциональные дискурсы, одним из которых является открытое общество. Действующими лицами романа оказываются в основном представители просвещенной московской, преимущественно еврейской, среды поколения 70-х. Для них советская система предстает затхлой и гнетущей, а доступ к литературе, издаваемой за «железным занавесом», сопряжен с риском. Но в этой опасной действительности людям широкого кругозора удается достойно жить, находясь в свободном общении, и партийный авторитаризм не подрывает их свободоловливое духа, либеральная интеллигенция продолжает общаться с западным миром и вести независимую жизнь. Также в романе присутствует дискурс советского марксизма как мифологии, которому противопоставлен западный, альтюсеррианский марксизм, опирающийся на упомянутую в романе работу Маркса «Парижские рукописи 1844 года», которая имела большое значение для одного из персонажей.

Заключение. Дискурсивный анализ романа показал, что важными элементами рассмотренного художественного текста являются упоминаемые или описываемые автором реалии советской жизни 1950–1970-х гг.

Ключевые слова: дискурс, советская действительность, социально-культурные явления, советская либеральная интеллигенция, новые смыслы.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 124–128)

Discourse as a Source of New Meanings in Artistic Text

Malysheva K.I.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The Soviet generation entered the 21st century and is encountering a completely new reality, against which the past experience begins to be recalled more and more vividly and contrastingly. And this same past is now the subject of a heated ideological struggle in the search for new values and benchmarks in an unstable and multidirectional post-Soviet, as well as emerging globalist society, which is under the enormous influence of public and domestic polemics, which has long become an essential part of modern, including domestic, public consciousness. Informational, territorial and cultural openness, freedom of historical representations in our time raise great expectations, a high susceptibility to any pictures of the world from the past.

The purpose of the study is to reveal the focus of the text of the works of L. Ulitskaya on the problems of ideological, social and cultural confrontation between the Soviet party power and the Soviet intelligency.

Material and methods. The research material is the novel by L. Ulitskaya "The Green Tent". The main methods used were a philological analysis of a literary text, a discursive analysis, and a descriptive method.

Results and its discussion. A discursive study of the novel by L. Ulitskaya "The Green Tent" reveals the important, often not lying on the surface, realities of Soviet life of the 50s and 70s. It is shown that in the works of L. Ulitskaya sharp non-institutional discourses are conveyed, one of which is an open society. The protagonists of the novel are mainly representatives of the enlightened Moscow, mostly Jewish milieu of the 70s generation. For them, the Soviet system appears stale and oppressive, and access to literature published behind the Iron Curtain is fraught with risk. But in this dangerous reality, broad-minded people manage to live with dignity, being in free communication, and party authoritarianism does not undermine their freedom-loving spirit, the liberal intelligency continues to communicate with the Western world and lead an independent life. Also in the novel there is a discourse of Soviet Marxism as mythology, which is opposed to Western, Altusserrian Marxism, based on the work of the Paris Manuscripts of 1844 mentioned in the novel, which was significant for one of the characters.

Conclusion. A discursive analysis of the novel by L. Ulitskaya showed that the realities of Soviet life of the 50s and 70s mentioned or described by the author are important elements of her literary text.

Key words: discourse, Soviet reality, socio-cultural phenomenon, Soviet liberal intelligency, new meanings.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 124–128)

Согласно постструктуралистской парадигме любое смыслопорождение обусловлено социальным контекстом и преобладающим дискурсом своего времени. Такое понимание отчетливо выражено в социально-когнитивной модели Т. ван Дейка. В ее рамках дискурс предполагается к рассмотрению на макроуровне как отношения социальных групп и микроуровне как речевое взаимодействие. Установление связи между этими уровнями входит в задачу критического дискурс-анализа. Рассмотрение происходит в отношении контроля, осуществляемого в публичном пространстве по линии контекста, структур текста и речи, а также сознания. В фокусе анализа дискурса оказываются те способы управления контекстом, которые используются в интересах господствующей социальной группы для воздействия на общественное сознание.

Огромные возможности для влияния на ценностные установки, личную и социальную культуру несет в себе художественный текст. Он в наибольшей степени является текстом в широком смысле, семиотической системой, которая хранит в себе «многообразные коды» (Лотман) и может иметь как вербальный, так и невербальный характер.

Художественный текст в коммуникативно-дискурсивном его понимании, развернутом в работах Т. ван Дейка, представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия. Помимо грамматически обусловленного текста, художественный текст имеет также глубинное внеязыковое строение, обнаруживающее связь между изменчивой средой действительного мира и лингвистическим пространством самого текста. М. Мамардашвили справедливо утверждает: «Текст есть то, что соединяет, – в действительности написание литературного текста не есть занятие, отдельное от жизни» [1, с. 27]. Новые дополнительные смыслы возникают при сопоставлении художественного текста с жизненными и философскими воззрениями как

самого автора, так и определенного социума в целом. Понятый подобным образом текст фактически обретает прошлое, «приобретает память» (Лотман).

Истоки теории дискурса впервые выявились в исследованиях употребления языка (немецкая школа П. Хартмана, П. Вундермаха и др.), социолингвистических исследованиях (американская школа Э. Щеглова, Г. Закса и др.), этнолингвистике.

В научный обиход понятие дискурса было введено бельгийским лингвистом Э. Бюиссансом. В 1960-е годы во Франции стала бурно развиваться теория дискурса, берущая начало в теории высказывания, возникшей в работах Э. Бенвениста [2] и отчасти Р. Якобсона [3]. Появился анализ дискурса, в рамках которого исследовались культурно-речевые единства. Его представителями были М. Пеше, М. Фуко, П. Серио и др., считавшие, что язык обнаруживает в себе социально-исторические и психологические условия возникновения смысла высказываний.

В настоящее время распространен функционально-коммуникативный подход, согласно которому дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [4, с. 8]. Как писал Б.В. Томашевский, «произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» [5, с. 152].

Французский исследователь, специалист по советскому политическому дискурсу Патрик Серио выделил восемь значений термина «дискурс», в одном из них дискурс характеризуется как социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума [6, с. 26].

Цель статьи – раскрыть обращение текста произведений Л. Улицкой к вопросам идейного, социального и культурного противостояния советской партийной власти и советской интеллигенции.

Материал и методы. Материалом исследования является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер», который открывает важные, часто не лежащие на поверхности реалии советской жизни 1950–1970-х годов. Показано, что в произведениях Л. Улицкой переданы острые неинституциональные дискурсы, одним из которых выступает открытое общество. Действующими лицами романа оказываются в основном представители просвещенной московской, преимущественно еврейской, среды поколения 70-х. В качестве основных использовались метод филологического анализа художественного текста, дискурсивный анализ и описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Большой интерес представляют события исторической действительности, особенности советской юриспруденции и судебно-психиатрической системы, отечественные и зарубежные музыкальные произведения, что переносит читателя в атмосферу (реальную из-за лингвистической конкретики) того времени. Именно эти реалии создают художественную достоверность романа. И даже родившийся в конце XX века молодой читатель поймет, почувствует и поверит в то, о чем пишет Л. Улицкая в данном романе, как она лингвистически виртуозно передает атмосферу возмущения всей советской интеллигенции.

Историческое объявление: «Внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем правительственное сообщение...» – четко и торжественно произносил диктор Всесоюзного радио Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию Юрий Борисович Левитан. В романе Л. Улицкая использовала речь Левитана, передавая сообщение о трагическом событии – смерти Сталина, что являлось началом нового периода жизни советского народа. Именно с этой новости Л. Улицкая начинает повествование, передавая эмоции и обсуждения своих героев в каждой из семей трех подруг – Ольги, чей отец был военным служащим, а мать – редактором журнала; Тамары, которую воспитывали мать и бабушка; Галины, семья которой никогда не жила в достатке.

В 50-е годы прошлого столетия знаменательной приметой времени были военные награды. Всем нам знакомы такие награды, как орден «Победа», ордена Славы, Отечественной войны, Нахимова, Александра Невского, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы». Боевые награды говорят о чести, мужестве и выполненном долге перед Родиной и всегда висят на старых кителях и пиджаках пожилых ветеранов. Л. Улицкая в эпизоде про кражу орденов упоминает названия редких наград: «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», орден «Легион Почета». Герой романа – отставной полковник медицинской службы Василий Иннокентиевич – отобрал награды у балующихся ребят, внимательно рассмотрел каждую и определил военную биографию владельца. То был его знакомый

военный – генерал Ничипорук, который лежал у него в госпитале в 1945 году. Выяснив детали, полковник смог вернуть медали в дом генерала. Этот факт раскрывает образ Василия Иннокентиевича как честного, справедливого, достойного человека. Перечисление наград и судьба того, кто нашел, судьба – кому отдал, судьба миллионов...

Дискурсивность романа Л. Улицкой проявляется через передачу определенных коммунистических лозунгов советской эпохи, поскольку различные лозунги и пропаганда коммунистических идей были неотъемлемой частью советской истории. Надпись «Слава КПСС!» в романе изображена в виде карикатуры в журнале «Штерн»: «...гигантские буквы складывающиеся в слова “Слава КПСС!”», а под этими гигантскими буквами стояла толпа людей и собак, пытающихся добраться до священных слов. Буквы были сложены из колбасы – вареной колбасы с кружками белого жира на срезах, с веревочными хвостиками и даже с этикеткой “2 руб. 20 коп”» [7, с. 37]. Автором карикатуры являлся Борис Иванович Муратов, и данная публикация грозила художнику арестом, тем не менее он ее нарисовал, и подобный поступок раскрывает характер одного из героев романа.

Эхо истории доносится из названий произведений, упоминаемых в романе, «Государство и революция», «Коммунистический манифест», «Технология власти», «Парижские рукописи 1844 года», «Из истории марксизма и международного рабочего движения», а также «Почетной грамоты» – «плотной, желтоватой, с красной казенной шапкой» и профилем В.И. Ленина. Герой романа Валентин Кулаков увлекался идеями марксизма-ленинизма, являлся хорошим специалистом, вместе с женой издавал подпольный марксистский журнал и они даже выучили немецкий язык. «До смерти ему хотелось прочитать в подлиннике “Парижские рукописи 1844 года”, что-то в них было такое, о чем в более поздние годы Маркс уже не говорил. Когда Гитлер пришел к власти, немецким социалистам удалось привезти эти рукописи в Москву» [7, с. 63].

В своем романе Л. Улицкая передает события советского времени и самой семантико-стилистической их подачей дает собственную глубинную им оценку. В «Зеленом шатре» Л. Улицкая упоминает про операцию «Дунай», когда в ночь на двадцать первое августа 1968 года советские войска вошли в Чехословакию. «Русские танки катили по Праге, нанося тем самым мощный удар по мировому коммунистическому движению» [7, с. 223]. Сколько глубокой и горькой иронии в данной фразе, ведь формально танками как раз защищали мировое коммунистическое движение, а на самом деле это действительно был удар по мировому коммунистическому движению. Советская интеллигенция была возмущена беспрецедентной ситуацией. Е. Евтушенко через несколько дней после того, когда советские танки вошли в Прагу, написал:

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.*

...

*Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.*

...

танки идут по надежде ...

...

*Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».*

После демонстрации в знак протеста на Красной площади главный герой романа Миха (прототип поэта Ильи Габая), полный гнева, написал заметку о том, что произошло, под названием «Пятиминутное стояние великолепной семерки на Лобном месте». Материал, слегка подправленный и сокращенный, был передан позднее по радио «Голос Америки».

Музыка, звучавшая в советский период, словно оживает на страницах книги. В школе, где учились главные персонажи – Миха, Илья и Саня, на новогоднем балу все танцевали под «Риориту», на Всемирном фестивале молодежи и студентов вся Москва распевала «Подмосковные вечера» В.П. Соловьёго-Седого, также Л. Улицкая приводит строчки из «Гимна демократической молодежи мира»: «Песню дружбы запевае молодежь, молодежь, эту песню не задушишь, не убьешь» [7, с. 158–159]. В ночь закрытия фестиваля «доносились обрывки – “Не слышны в саду даже шорохи», все здесь замерло до утра, если б знали вы, как мне дороги...”». Начальство на верхах музыкой не интересовалось, вполне удовлетворяя свой вкус мелодией «Во саду ли, в огороде» [7, с. 307]. Шлягер «Ля Макорина» в романе пел колумбийский писатель на приеме в Ташкенте, автор даже процитировала строчку песни в русском переводе: «Положи мне руку сюда, Макорина». Но в те времена данный шлягер не был известен в Москве, и уж тем более в Ташкенте.

Автор без прикрас описывает деятельность комитета государственной безопасности в социально-экономических условиях периода развитого социализма. В этот период КГБ сосредоточил свои усилия на борьбе с национализмом и антисоветскими проявлениями внутри страны и за рубежом. Расширилось применение средств психологического давления на диссидентов, включая слежку, давление с помощью общественного мнения, подрыв профессиональной карьеры, профилактические разговоры, депортацию из СССР, принудительное

заключение в психиатрические клиники, политические судебные процессы, дискредитацию, различные провокации и запугивания. Под пристальным вниманием КГБ находились, в первую очередь, представители творческой интеллигенции – деятели литературы, искусства и науки, которые по общественному статусу и международному авторитету могли нанести вред репутации советского государства.

Л. Улицкая в романе в хладнокровной манере повествует об обысках, проводимых представителями КГБ с целью изъятия запрещенных советской властью книг, печатных изданий, рукописей, писем, фотографий; о допросах и арестах, системе заключения в психиатрические лечебницы. Искали «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Технологию власти» А. Авторханова, «Доктора Живаго» и «Приглашение на казнь» Б. Пастернака, «Говорит Москва» и «Искупление» Ю. Даниэля, «1984» Д. Оруэлла, самиздат «Вестник РДХ», «Хроники текущих событий». Писателей арестовывали, отправляли в ссылку. Все допросы велись в доме на Малой Лубянке, «на котором честно было написано: «Управление Комитета госбезопасности по Москве и Московской области». Автор приводит выдержки из уголовно-процессуального кодекса: статья 190 часть 1 – «Распространение ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй СССР», по данной статье предъявляли обвинение не одному персонажу романа – генералу с наградами Ничипоруку, Михе, Эдику Толмачеву – редактору журнала «Гамаюн», вызывали на допрос Илью, его жену Ольгу. В СССР карали не только тюрьмами и ссылками, там была изощренная система уголовной психиатрии.

Судебно-психиатрическая система действовала безжалостно, заведомо ставя противоречивые или ошибочные диагнозы с целью заключить «неудобных власти» людей, дать заключение о невменяемости арестованных, чьи политические взгляды расходились с советской идеологией. Л. Улицкая цитирует фрагмент из старой амбулаторной экспертизы больного, бывшего генерал-майора: «Сознание ясное, правильно ориентирован, в беседе держится вполне упорядоченно, речь связная, целенаправленная». Но в новом документе, который должен был подписать ведущий советский психиатр, под диагнозом значились слова «алкогольный паранойд» и знак вопроса. Медицинское заключение в конце консультации гласило: «Наблюдается алкогольное поражение внутренних органов. Со стороны центральной нервной системы наблюдается ряд изменений: присутствует алкогольная энцефалопатия, ретроградная амнезия. DS – атипичный алкогольный паранойд» [7, с. 139]. В результате человека с фронтовой биографией и боевыми заслугами отправляли в особое медицинское учреждение.

В романе также встречаются английские, немецкие и французские включения, предметы быта советского

периода 1950–1970-х годов: названия алкогольных напитков и блюд, марки автомобилей, духов и сигарет, периодических изданий, печатные машинки, а также общественно-культурные места Москвы.

Заключение. Дискурсивный анализ романа, опирающийся на выраженность актуальных смыслов, устоявшихся в поле культурно-общественного диалога, продемонстрировал, что важными элементами ее художественного текста являются упоминаемые или описываемые автором реалии советской жизни 1950–1970-х гг, такие как социальные и общественные отношения, культурный уклад городской среды.

Повествование отчетливо выделяет советскую эпоху: особенности советской юриспруденции, судебно-психиатрическую систему, работу КГБ, отношение к власти советской интеллигенции. И главное – передает представление о яркой, человекоутверждающей атмосфере глубинной советской жизни.

Литература

1. Мамардашвили, М. Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
4. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: [вступ. ст.] / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
5. Томашевский, Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии / Б.В. Томашевский. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 279 с.
6. Сериио, П. Как читают тексты во Франции / П. Сериио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО «ИГ Прогресс», 1990. – С. 12–54.
7. Улицкая, Л. Зеленый шатер: роман / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.

Поступила в редакцию 27.12.2019